

ФЕДОР АБРАМОВ
ОЛЕШИНА ИЗБА

Рассказ
(фрагмент)

1

В лес мы выехали рано, в густом белом тумане, и новой дороги-лежневки, по которой гоняют тяжелые лесовозы, не видели.

Зато сейчас, освещенная вечерним солнцем, она была как на ладони. На пять, на десять километров летят вперед деревянные рельсы, сверкающим клином врезаются в голубое небо на горизонте. А по сторонам... А по сторонам война прошла. Бессчетные пни-надолбы, ежи-коряги, взрытая, вздыбленная земля, искромсанные, измочаленные ели и березы — вповалку, крест-накрест, как, скажи, поверженные в бою солдаты...

Молодой инженер Промойников, то и дело кивая за окошко автобуса, с жаром рассказывал мне про стройку дороги и при этом, как из мешка, сыпал цифрами. Все знал назубок: где сколько уложено плах, сколько кубометров вынута грунта, сколько забито свай.

— Ну, а что касается нашей строительной гвардии, — заговорил он уже иначе, с торжественной игривостью в голосе.

Но тут шофер звонко и дробно засигналил, круто остановил автобус и весело крикнул:

— Олешина изба! Перекур десять минут.

Пассажиры с криком, с гиканьем — сплошь молодняк! — сыпанули вон.

— Давай и мы сойдем, — предложил, улыбаясь, Промойников. — Как это — быть в наших краях и на Олешину избу не взглянуть.

Место вокруг было сухое, красивое. Кудрявые, пружинистые заросли пахучего можжевельника, розовый иван-чай в рост человека, сосны, старые, разлапистые, словно стадо разбредшихся по беломошнику мамонтов... А где же изба?

— А изба тут, — опять как-то шутливо, дурачась и подмигивая сказал Промойников.

— Да, да! Найдите-ка избу! — Нас окружили парни, девушки. Сам Пава Хаймусов, этакий добродушный голубоглазый медведь, в бригаде которого (знаменитой, гремевшей на всю область!) я провел целый день, подошел к нам. С улыбкой — во всю рячу.

Я подумал, разыгрывают меня, ибо не то что избы, самого захудалого сараешка не было вокруг, но тут Промойников сжалился надо мной:

— Вон она, Олешина изба. — И указал на самую высокую сосну, горделиво маячившую на дальнем бугре.

Я взгляделся. Что-то вроде помоста, похожего на охотничий лабаз, бело отсвечивает в сучьях макушки, от помоста вниз вдоль ствола остатки какой-то веревочной лесенки...

— Изба, изба, — заверил меня Промойников. — Человек жил. Олеша Рязанский.

Пава Хаймусов с восхищением и даже с завистью, как мне показалось, сказал:

— Во какие люди были у нас, товарищ писатель! Вместях с облаком да с птицей жили. Вот бы роман написать.

— Не, лучше кино, — поправил его чернявый длинноволосый парень.

— А что, можно и кино, — охотно согласился с ним Пава. — Тут, бывало, два ворона ране жили. Завсегда, когда едешь, по сторонам этой сосны сидят. Как, скажи, все равно на страже.

— Бывало, рабочие это в делянку утром едут, — раздался еще один восторженный голос, — а он, Олеша-то, только просыпается, только облака с себя сгоняет...

— Кто, кто просыпается?

К нам подлетела Капа-повариха. Вмиг всех растолкала, разметала, парню говорившему кляп с ходу:

— Не плети! Просыпается... Да когда люди-то на работу едут, он уж наробился. Пять норм давал але боле — когда ему было спать-то?

— Да уж когда-то спал.

— Помолчи, коли ничего не знаешь. Когда Олеша-то жил? Ты ведь о ту пору у мамы в брюхе играл, нет, а тоже про Олешу речи говорить!

Сконфуженный, поднятый на смех парень рта больше не раскрывал. Да и остальные не перебивали Капу. Зубов нету, всего два клыка спереди, а не переговорить. За обедом в делянке я попытался было вызвать на разговор рабочих — ничего не вышло. Всех под себя подмяла.

У-у, Олеша-то тут расправлялся с пеньями да с кокорами¹, — затараторила снова Капа. — Как леший! Люди машинкой, бульдозером — нема дураков жилы рвать, а он — ломом, слегой. «Олеша, не надорвись! Олеша, побереги себя!» Похохатывает только: «У меня застой крови делается на машинке-то! Я чаду карасинного не люблю!» Один, один пять заданий вымахивал. А получка-то придет! Денег-то наполучает! Карманы рвет. В магазин зашел: «Ну-ко мне ящичек вина».

— Ящичек?!

— Вот это аппетит!

— А чего! Што бутылками-то покупать — только ноги наминать. Ему бутылка-то, как малому ребенку соска. Видала, как выпивал. Винтом бутылку раскрутит, потом другую, третью, в себя выльет, как в ведро, да и пошел. Рюмку ставь на голову — не всколыбается. Как по струночке ходил.

— А говорят, с вина сгорел...

— Кто сгорел? Олеша-то сгорел? Сам-то ты не сгори! Та, курва черноглазая, сгубила. Ксаночка с Украины...

С лежневки уже который раз доносились...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Олешина изба : [рассказ] // Наш современник. - 1976. - № 1. - С. 125-135

¹ Коряги, выворотни